

УДК 343.9.02(47)
ББК 67.518.5

С.В. Богданов,
кандидат исторических наук, доцент,
Губкинский институт (филиал)
Московского государственного открытого университета

А.Л. Репецкая,
доктор юридических наук, профессор,
Байкальский государственный университет экономики и права

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ СССР В 1930-1950-е годы: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА, МАСШТАБЫ, ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ

В статье анализируются социально-экономические условия и факторы воспроизводства корыстных преступлений в экономике страны в период 1930 –1950-х гг. На основании малодоступных архивных материалов рассматриваются особенности возникновения организованных преступных групп в экономической сфере СССР в условиях становления и укрепления тоталитарного режима. Анализируются наиболее распространенные виды преступного бизнеса того времени: хищения государственной собственности, спекуляция, осуществляемая многочисленными организованными группами, действовавшими в системе торговли, снабжения, валютные махинации. Констатируется факт первичного сращивания преступных групп экономической направленности с контролирующими и правоохранительными органами посредством коррупции. Таким образом, опровергается миф об абсолютном контроле сталинского режима над экономической сферой жизни общества. Авторы приходят к выводу, что именно в этот период произошло зарождение экономической организованной преступности в нашей стране.

Ключевые слова: организованные преступные группы; хищения государственной собственности; спекуляция; валютные махинации; система тотального контроля.

S.V. Bogdanov,
Ph.D. in History, Ass. Professor,
Gubkin Institute (Affiliate) of Moscow State Open University

A.L. Repetskaya,
Doctor of Law, Professor,
Baikal National University of Economics and Law

ORGANIZED CRIME IN THE SPHERE OF ECONOMICS IN THE USSR IN 1930-1950-S: SPECIFICS OF REPRODUCTION, SCOPE, FORMS

The paper analyses the socio-economic conditions and reproduction factors for profit-motivated crimes in the country's economy in 1930 –1950-s. Using hard-to-access archive materials, the authors study the specifics of the origins of organized criminal groups in the USSR economy in the period when the totalitarian regime was formed and strengthened. They analyze the most common types of criminal business of the time: stealing of state property, profiteering by multiple organized groups in the spheres of commerce, procurement, currency fraud. The paper states the fact of the primary interpenetration of profit-motivated criminal groups and controlling and law enforcement bodies through corruption, which overthrows the myth of Stalin regime's absolute control over the economic sphere. The authors conclude that it was in this period that organized economic criminality emerged in our country.

Key words: organized criminal groups; stealing of state property; profiteering; currency fraud; total control system.

В настоящее время в России происходят масштабные изменения во всех сферах жизни общества. Переходные процессы, как правило, сопровождаются ухудшением криминальной ситуации в стране, реальным увеличением числа преступлений, совершаемых организованными преступными группами и

преступными сообществами. Поэтому в современных условиях актуализируются проблемы изучения организованных форм преступности в сфере экономики как социально обусловленного явления, а не как простой, механической совокупности правонарушений данного вида.

Современное понимание организованной преступности в значительной мере отличается от тех признаков, которые были ей присущи в ранний советский период [15]. Сегодня организованная преступность (ОП) – это многоуровневая динамично развивающаяся социальная система, состоящая из различных видов управляемых организованных объединений людей, занимающихся криминальной деятельностью как бизнесом, и имеющая систему защиты от социального контроля.

Однако такого уровня организованная преступность достигла не сразу, а путем длительного развития не столько ее общеуголовных форм, сколько благодаря криминальным процессам, происходившим в советской экономике.

Таким образом, исследование развития организованной преступности в историческом контексте позволяет подвергнуть более глубокому анализу весь комплекс социально-экономических, политических, правовых и нравственных условий её воспроизводства.

Период развития организованной преступности в 30– 50-е гг. прошлого столетия – один из самых закрытых в ее истории. При этом достаточно известными являются успехи противодействия советских правоохранительных органов общеуголовной профессиональной и организованной преступности, их борьба с криминальными кастами. В довольно сжатые сроки был локализован бандитизм как массовое явление. Между тем о состоянии организованной преступности в бурно развивающейся экономике страны того периода почти ничего не известно.

Хронологические рамки исследования охватывают период советской истории, который получил название «становление и укрепление тоталитарного режима». Данный временной отрезок привлекает внимание по двум обстоятельствам. Первое, исследовательский интерес специалистов с начала 1990-х гг. и до настоящего времени оказался сосредоточен преимущественно на преступных проявлениях в экономике Советской России периода существования новой экономической политики (1921–1928 гг.). Работ, посвященных развитию хозяйственно-корыстной преступности в СССР в 1930–1953 гг., по-прежнему остается мало.

Второе, становление и развитие тоталитарного режима в стране сопровождалось

ужесточением социального контроля над преступностью. Одновременно происходит засекречивание ранее доступной судебной статистики по стране. Не случайно подготовленный сборник «Статистика осужденных в РСФСР 1922-1934 гг.» вышел в 1935 г. уже под грифом «Секретно», и к ознакомлению с ним допускался лишь ограниченный круг должностных лиц. Скудность информационной базы в отношении исследуемого периода отечественной истории также актуализирует рассматриваемую проблему.

Кратко рассмотрим предысторию вопроса. В феврале-октябре 1917 г. в условиях экономического и политического кризиса в стране возникла торгово-финансово-промышленно-чиновничья организованная преступность. Получая сверхприбыль на военных поставках и спекуляциях вокруг карточной системы, организованная преступность быстро дестабилизировала страну. Ежедневно возникали и исчезали новые имена дельцов, появлялись и лопались многомиллионные состояния. Черный рынок перекрыл обыкновенный во много раз. Коррупция охватила аппарат, связанный с финансовыми и товарными потоками. Но предреволюционная организованная преступность, несмотря на свой огромный вес в обществе и масштаб операций, была крайне неустойчивой и нестабильной. Уравновешивающие и системозащитные механизмы ее не сложились, грань между «белым» и «черным» капиталом размылась, произошла потеря управления.

Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. означал использование на практике принципиально других средств и методов борьбы с чрезвычайно выросшей преступностью, в том числе с ее организованными формами. Однако и новый политический режим не смог окончательно ее уничтожить. Более того, многочисленные факты свидетельствуют о том, что организованная преступность в экономической сфере получила довольно широкое распространение мешочничества – самого массового вида незаконной предпринимательской деятельности в советской России в годы «военного коммунизма». Следствием запрета свободы торговли в РСФСР в 1918–1920 гг. явилось возникновение хорошо организованных спекулянтских групп. В то же время организованная преступность в экономике страны носила сти-

хийный и неустойчивый характер. Это было связано с общей обстановкой Гражданской войны и военной интервенции.

Переход к новой экономической политике (нэп) весной 1921 г. кардинально изменил социально-экономические условия воспроизводства организованной преступности в России. В период нэпа из «тени» была выведена часть капиталов, нажитых в предшествующий период на спекуляции, взятках, крупных хищениях государственного имущества («воровстве вагонами»), откровенном бандитизме. В целом, открывалась вполне легальная возможность вложения этих и других денежных средств в теперь уже легализованную предпринимательскую деятельность. С другой стороны – неразвитость налогового контроля, несовершенство законодательного регулирования или его отсутствие, отказ правоохранительных и государственных органов от крайностей террора объективно способствовали значительному увеличению различных видов организованных форм и способов совершения корыстных преступлений в экономике страны.

Большое количество материалов судебных дел по так называемым хозяйственным процессам позволяет выделить следующие

способы реализации преступного умысла организованными преступными группами в сфере экономических отношений (таблица) [7].

Итак, организованные преступные группы, осуществлявшие свою деятельность в экономической сфере страны, довольно быстро приспособились к новым хозяйственным условиям, связанным с разрешением частнопредпринимательской деятельности и использованием иностранного капитала. Особенностью развития организованных форм преступной деятельности в экономике СССР этого периода являлось то, что они начали активно проникать во властные структуры и смыкаться с отдельными коррумпированными чиновниками. Не случайно на всем протяжении нэпа взяточничество стало самым распространенным видом преступлений среди должностных лиц.

Свертывание нэпа способствовало видоизменению условий воспроизводства организованной преступности в экономике страны. Планово-централизованная экономика привела к ликвидации былого товарного изобилия (хотя далеко и не всем доступного) и ознаменовалась возникновением практически перманентного дефицита на

Таблица

Методы и приемы преступной деятельности организованных преступных групп в сфере экономики и управления в СССР в 1920-е гг.

Сфера проявления	Приемы и методы преступного обогащения
Использование служебного положения для организации или содействия нелегальной коммерческой деятельности	<ol style="list-style-type: none"> 1. Использование связей и знакомств для проникновения в госаппарат на правах служащего или для использования госаппарата в корыстных целях 2. Организация торговых предприятий из подставных лиц с участием негласных пайщиков – служащих в госорганах 3. Создание фиктивных частных посреднических контор, манипулирующих государственными материальными ценностями между госорганами 4. Подряды в госорганах без всяких денежных и материальных ресурсов, без технической и рабочей силы у подрядчика 5. Фиктивные поставки и поставки похищенного из государственных складов 6. Контрагентства на государственной продукции 7. Хищническая аренда госпредприятий
Финансовое мошенничество	<ol style="list-style-type: none"> 1. Кредитные операции в Госбанке с использованием фиктивных документов и чужого имущества или без всякого обеспечения 2. Привлечение денежных средств населения под фиктивные проекты (жилищное строительство)
Лжепредпринимательство	<ol style="list-style-type: none"> 1. Фиктивная реклама предпринимателем своих фиктивных предприятий 2. Фиктивные акционерные общества 3. Лжекооперативы 4. Фиктивные концессионные предприятия 5. Работа предпринимателя под фирмой госучреждения, кооперации или в форме уполномоченного, но на правах подрядчика

различные группы товаров. Запрет на предпринимательскую деятельность привел к ее переходу в теневую сферу экономики, превратив ее легальные формы в преступное поведение. Основными сферами деятельности преступных групп в экономике страны в этот период становятся: скупка драгоценных металлов, серебряных монет, антиквариата для последующих махинаций в системе магазинов Торгсина (торговля с иностранцами) [1], появление «черных бирж» [17], организованные хищения в торговле, снабжении, промышленной кооперации, использование частником комиссионных магазинов для сбыта подпольно произведенной продукции [2].

На протяжении 1930-х гг. в стране шел процесс формирования организованных преступных групп преимущественно в сфере торговли, сбытовой кооперации. Государство, в свою очередь, реагировало на увеличение корыстных преступлений в этих отраслях народного хозяйства ужесточением уголовной репрессии. Так, например, в 1935 г. за различные виды хищений в системах государственной и кооперативной торговли СССР было осуждено 96 233 должностных лица, среди которых 84% – за растрату, присвоение вверенного имущества (81 080); в 1936 г. осуждено 73 873 человека, из которых 93,7% – за растрату и присвоение (69 347); в 1937 г. – 62 848, из них 98,7% (61 204) – за растрату и присвоение [3]. Отчетливо видно, что доля должностных растрат и присвоений в общей структуре хищений в советской торговле второй половины 1930-х гг. была преобладающей.

В конце лета 1940 г. Наркомат юстиции направил на имя В.М. Молотова докладную записку о результатах проверки работы судебных органов по борьбе с хищениями, растратами, злоупотреблениями служебным положением в торговых организациях страны. Результаты оказались впечатляющими. В 1937 г. в этой системе было выявлено растрат, хищений, недостач на сумму 277 млн руб. [5]

На исходе 1940 г. было принято постановление СНК РСФСР за № 899 «Об усилении борьбы с растратами и хищениями в государственной и кооперативной торговле». В документе, в частности, приводились следующие цифры: на 1 января 1940 г. сумма растрат и хищений по Центросоюзу составляла 245,1 млн руб., по Наркомторгу РСФСР соответственно 154,6 млн руб.; общая сумма растрат, хищений и недостач на 1 октября

1940 г. (т. е. за прошедшие 9 месяцев) выросла по Центросоюзу еще на 188,2 млн руб.; а по Наркомторгу РСФСР – на 127,6 млн руб. В документе содержалось вполне ясное объяснение причин широкого распространения растрат и хищений в торговле: «все еще неудовлетворительная работа Наркомторга и Центросоюза по подбору материально-ответственных лиц» [9].

Во второй половине 1930-х гг. правоохранные органы все чаще стали вскрывать деятельность организованных преступных групп, которые находились в тесной взаимосвязи с расхитителями из торговой сети. Примечательно, что из 200 организованных спекулянтских групп, ликвидированных только в Ленинграде в 1936 г., многие имели своих сообщников в торговых организациях города [28].

По оценке специалистов Наркомфина СССР, в 1936 г. около 5-6 млрд руб. было фактически изъято из обращения отдельными группами населения, связанными с остатками негосударственной экономики (свободные кустари), и спекулятивными элементами [18].

Годы Великой Отечественной войны характеризовались возникновением специфических условий воспроизводства организованной экономической преступности в стране. Особенности ситуации проявились в том, что в этот период, в связи с переходом к карточной системе снабжения населения основными видами продовольственных и промышленных товаров, была создана гигантская раздаточно-распределительная система. К тому же государство ослабило свою традиционно жесткую позицию в отношении базарной торговли и мест стихийной торговли, так называемых «барахолок».

Таким образом, в эти годы сложились благоприятные условия для расширения и укрепления «теневого» экономики. Немаловажную роль в этом сыграла фактически легализованная частная торговля, которая приобрела массовый характер. В одном из конъюнктурных обзоров Наркомторга СССР за 1943 г. констатировалось, что основным нарушением правил торговли на колхозных рынках страны являлась «торговля с рук населением при продаже предметов домашнего обихода и других товаров» [21].

При этом правоохранным органам стало очень сложно выявлять, где пролегла

грань между стихийной торговлей и массовыми спекулятивными сделками. По признанию Наркомторга, на многочисленных рынках страны были «отмечены случаи перекупки и продажи сельскохозяйственных продуктов с явно спекулятивной целью» [22].

Одним из источников пополнения «теневых» капиталов в годы войны и первые послевоенные годы явилось разворовывание отдельными должностными лицами нормируемых продуктов. Так, прокурор РСФСР Г.П. Горшенин, характеризуя ситуацию с растратами и хищениями в 1943 г., отмечал, что должностные лица «распределяют (вернее, разбазаривают их) по своему усмотрению». Как итог, за 11 месяцев 1943 г. хищения продовольственных и промышленных товаров в общей структуре выявленных хозяйственно-корыстных преступлений составили 57,5%, а злоупотребления с карточками – 28,3% [24].

Анализ документальных материалов свидетельствует о том, что организованная преступность в экономике страны получила очень мощный импульс именно в годы войны. В этот период правоохранительные органы стали все чаще обнаруживать преступные группы, деятельность которых была связана с организацией сбыта похищенного из госфондов продовольствия.

Так, например, в 1943 г. в Свердловске в системе местного ОРСа была выявлена преступная группа из работников торговли и карточного бюро, которая специализировалась на сбыте похищенного нормируемого продовольствия по спекулятивным ценам. Сумма похищенного была оценена в 874 тыс. руб. [17] Другой пример: в результате махинаций с продовольственными карточками группа из 10 сотрудников Мытищинского районного карточного бюро Московской области завладела 16 976 кг хлеба, 404 кг мяса и другими продуктами [26]. В 1945 г. на скамье подсудимых оказались руководители Ульяновского облпищепрома, некоторых торговых организаций города. Сумма, на которую были расхищены продукты питания этой преступной группой, составила 2 776 965 руб. [25]

Таким образом, в военный период происходила обкатка схем расхищений государственной собственности, спекуляции многочисленными организованными группами, действовавшими в системе торговли, снаб-

жения. Некоторые преступные группы осуществляли свою противозаконную деятельность в тесном взаимодействии с отдельными сотрудниками карточных бюро, руководителями и работниками предприятий торговли и общественного питания.

Анализ динамики ущерба от выявленных хищений и растрат в государственно-кооперативной торговой сети и в отделах рабочего снабжения (ОРСах) свидетельствует о его прогрессирующем росте: в 1942 г. – 167 млн руб., в 1943 г. – 212 млн руб., в 1945 г. – 560 млн руб. [19] – более чем в 3 раза за три года.

Однако среди множества факторов, препятствовавших разрастанию организованной преступности в экономике СССР, безусловно, один был фундаментальным – отсутствие контрагентов на верхних этажах властной вертикали. Слишком велик был страх перед всеильной системой тотального контроля, в которой абсолютно никто не имел иммунитета.

В первые послевоенные годы наблюдаются довольно примечательные тенденции в развитии организованной преступности в сфере экономики. Послевоенная разруха, нехватка самого необходимого создавали благоприятные условия для воспроизводства различных экономических преступлений. Да и в дальнейшем советская система оказалась неспособной удовлетворить потребности граждан в некоторых товарах и услугах. Нарождающаяся экономическая организованная преступность с успехом заполняла эти пробелы, взяв на себя обязанность обеспечить неудовлетворенные потребности преступными путями с большой выгодой для себя.

Наибольшее количество хищений совершалось в торговых организациях, снабженческо-сбытовых учреждениях, предприятиях мясной, молочной, текстильной промышленности. Сам факт существования нормируемой торговли способствовал массовым хищениям со стороны допущенных к распределению работников торговли. Например, в 1945 г. в торговой сети Министерства торговли и ОРСах было выявлено расхищение 6 831 т картофеля, 3 253 т хлеба, 946 т мяса и рыбы [20].

В системе Министерства торговли СССР только за девять месяцев 1946 г. (по данным этого же ведомства) было вскрыто с участием органов внутренних дел хищений и растрат

на сумму 131,5 млн руб.; в потребительской кооперации за этот же период – на 269,8 млн руб., в то время как за этот же период, например, на предприятиях Министерства авиационной промышленности сумма растрат и хищений составила только 2,2 млн руб. Довольно впечатляющими оказались результаты выявленных фактов хищений и растрат в системе магазинов промторга г. Ленинграда: в 1950 г. сумма хищений составила 1 700 тыс. руб., в 1951 г. – 982 тыс. руб. [30; 31]

Органы милиции неоднократно вскрывали факты организованных хищений на спиртовых заводах страны. Схемы расхищения спирта на этих предприятиях были довольно типичными. Например, должностными лицами не оприходовались излишки готовой продукции, создававшиеся за счет искусственного завышения влажности или занижения сортности зерна, поступавшего на предприятия для дальнейшей переработки на спирт. На отдельных предприятиях использовался такой прием, как приведение в негодность контрольного счетчика, определявшего выход конечной продукции.

Наиболее часто выявляемым видом преступлений экономической направленности являлись: хищения сырья, материалов из государственных предприятий в целях передачи их в ремесленные мастерские, «надомникам», в нелегальные цеха для выпуска скрываемой от финансовых органов продукции. Часто практиковалась передача похищенных или нелегально произведенных товаров повышенного спроса спекулянтам для перепродажи их на рынках или для реализации через комиссионные магазины. Это было своеобразное проявление действия закона спроса и предложения, причем чрезвычайно гипертрофированное тоталитарной социально-экономической и политической системой.

Как правило, по многим хозяйственным делам второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. речь обычно шла о группах от 5 до 25 человек, среди которых основными фигурантами обязательно были: директор, его заместитель и главный бухгалтер [6]. Это было закономерно, поскольку именно административный персонал предприятий знал «узкие» места в вопросах финансов, снабженческо-сбытовой деятельности.

Еще одним распространенным видом нелегального бизнеса того времени были опе-

рации по купле-продаже иностранной валюты, золотых монет царской чеканки, золота, драгоценностей – ведь это был единственный путь «отмывания преступных доходов» в советском государстве. Так, по сведениям правоохранительных органов Московской области в этом регионе только в течение пяти месяцев 1946 г. было раскрыто 4 организованных группы валютчиков. Перечень изъятых материальных ценностей оказался очень внушительным: советских денежных знаков в сумме 304 тыс. руб., сберегательных книжек с вкладками на предъявителя на 105 тыс. руб., облигаций государственных займов на 294 тыс. руб., американской валюты – 5 022 доллара, английских фунтов стерлингов – 120, золотых монет царской чеканки на 16 335 руб., золотых изделий и бриллиантов на 74 тыс. руб. Общий вес изъятых золотых монет и украшений составил 14,7 кг [8].

В 1946–1953 гг. органы МВД г. Ленинграда постоянно осуществляли оперативные мероприятия, направленные против крупных валютчиков. В июне 1946 г. были арестованы с поличным профессиональные валютчики А. Милетин и А. Эйдлин. В конце лета 1946 г. территориальными органами БХСС была ликвидирована группа валютчиков, которую возглавляли Чернигов и Рабинович. В ноябре 1947 г. была обезврежена группа из 12 валютчиков [10; 11; 29].

Интересно и то, что в механизме функционирования организованных преступных групп в сфере экономики в первые послевоенные годы возникло несколько новых тенденций.

Во-первых, во многих случаях наблюдалось переплетение хищений государственной и общественной собственности, спекуляции и незаконной предпринимательской деятельности. Эта тенденция наблюдалась и в предвоенное десятилетие, однако в послевоенные годы значительно возросли масштабы преступной деятельности в экономической сфере.

Примечательным в этой связи является появление 14 марта 1948 г. Постановления ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР с характерным названием «О проникновении частника в кооперацию и предприятия местной промышленности» [16]. Этот нормативно-правовой акт обобщил значительное количество докладных записок органов государственного

го контроля, результатов прокурорских проверок о ситуации на предприятиях легкой промышленности, в государственной и кооперативной торговле. Вывод во многих документах был вполне однозначен – на многих предприятиях этих отраслей обильно расцвела частнопредпринимательская деятельность.

Во-вторых, в конце 1940-х – начале 1950-х гг. отмечалась устойчивая тенденция воспроизводства организованных преступных групп, действовавших в экономической сфере. Причем на смену одним организованным преступным группам, деятельность которых была прекращена правоохранительными органами, вскоре приходили другие.

Показательным здесь является пример, демонстрирующий динамику воспроизводства ОПГ в рассматриваемой сфере в г. Ленинграде, где в первом полугодии 1949 г. сотрудниками ОБХСС было выявлено 346 преступных групп, действовавших в сфере экономики города и области. К уголовной ответственности по данным делам было привлечено 979 человек. В 1953 г. в г. Ленинграде и Ленинградской области была пресечена деятельность 136 организованных преступных группировок в экономике, к ответственности было привлечено 362 участника этих ОПГ [12–14]. Таким образом, несмотря на значительное снижение количества выявляемых групп, их число на протяжении рассматриваемого времени продолжает оставаться значительным.

В начале 1950-х гг. работники ОБХСС все чаще стали заниматься выявлением преступных связей, разработкой преступных схем и комбинаций, выявлением нелегальных предприятий. Один из довольно характерных примеров: крупное расхищение денежных средств организованной преступной группой, действовавшей под вывеской промартели в городе Осиповичи Бобруйской области Белорусской ССР [4].

В-третьих, выявленные крупные организованные преступные группы, действовавшие в экономической сфере СССР в 1945–1953 гг., имели «прикрытие» в лице представителей контролирующих, проверяющих органов и организаций, в отдельных случаях сотрудников правоохранительных органов.

Взяточничество и смычка с преступными элементами (как правило, верхушкой

преступного мира – «хищниками») получили распространение и в самих правоохранительных органах. Так, например, в 1949 г. большой резонанс имело уголовное дело трех начальников отделений БХСС Ленинградской городской милиции, «сотрудничавших» с преступными группами действовавшими в хозяйственной сфере города [32].

Таким образом, во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. продолжился процесс формирования организованной преступности в экономике страны, о чем свидетельствовали следующие факты.

1. Система торговли, снабжения, заготовок и общепита стала весьма привлекательной для преступных элементов, которые довольно часто при попустительстве руководства этих организаций, а иногда и при его непосредственном участии создавали преступные группы расхитителей. В таких организациях широкое распространение получили растраты государственной и общественной собственности.

2. Преступные сообщества, действовавшие в торговых организациях, системе общественного питания, на предприятиях местной промышленности, отличались сплоченностью вокруг криминального лидера, иерархической организацией с четким распределением обязанностей и системой конспирации.

3. Многие преступные группы имели коррупционные связи в государственных органах и правоохранительной системе.

4. «Теневая» экономика первых послевоенных лет уже была достаточно разветвленной. Она выступала постоянной подпиткой для организованной преступности. В сферу нелегальной экономической деятельности были втянуты различные группы населения: от разовых спекулянтов, гонимых на колхозный рынок нуждой и угрозой голода, до крупных расхитителей государственной и общественной собственности.

5. В эти годы наблюдается переплетение многих преступных промыслов корыстной направленности, осуществляемых организованными преступными группами: хищения государственной и кооперативной собственности, выпуск скрытой от государственного учета и финансового контроля продукции, крупная спекуляция, валютные махинации, получение и дача взяток и посредничество во взяточничестве.

6. На рубеже 1940–1950-х гг. стали проявляться тенденции укрепления «теневой» экономики, дальнейшего приспособления крупных нелегальных дельцов, отдельных коррумпированных руководителей торгово-снабженческой, заготовительной сети к реалиям советской действительности, в том числе и к репрессивной линии государства к любым проявлениям экономических преступлений.

Итак, ретроспективный анализ проблемы генезиса организованной преступности в экономической сфере Советского Союза – центрального компонента «теневой» экономики – позволяет обратить внимание на следующее. Одним из исторических мифов, который из десятилетия в десятилетие устойчиво сохранялся не только на уровне обыденного сознания, но и на уровне историко-экономических и правовых исследований, являлась ассоциация сталинского режима с абсолютным контролем над экономической сферой жизни общества. Более того, это глубоко ошибочное представление продолжает существовать и в современной научной литературе. Так, например, по мнению В.И. Сигова и А.А. Смирнова, сталинский режим свел к минимуму коррупцию и должностные хищения, а теневая экономика в этом периоде фактически отсутствовала [27, с. 39].

Однако факты свидетельствуют об обратном: зарождение экономической организованной преступности в нашей стране произошло именно в рассматриваемый период. Существовавшие проблемы удовлетворения спроса на товары первой необходимости, а затем экономические трудности военного и послевоенного времени детерминировали развитие как теневой экономической составляющей, так и организованных преступных групп, действовавших в этой сфере. Поскольку в этот же период по криминальной касте «воров в законе» государство нанесло сокрушительный удар и реально их контролировало*, преступные группы дельцов имели возможность беспрепятственно развивать свою деятельность, успешно нейтрализуя контроль со стороны государства с помощью коррупции.

---

* В период с 1926 по 1940 г. НКВД СССР принял ряд закрытых документов, в которых регламентировались приемы ведения наружной и внутренней разведки в преступных организациях, в частности, работа с кастой «воров в законе», контролировавших общую преступную деятельность. Однако, помимо внешних воздействий, воровское общество раскалывалось от внутренних противоречий. Между различными группировками шла настоящая война, в результате которой к концу 1950-х годов «воров в законе» осталось в местах лишения свободы не более 3 % [15].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 15а. Д. 1071. Л. 5-6.
2. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 16а. Д. 402. Л. 3-16.
3. ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 15. Д. 83а. Л. 96.
4. ГАРФ. Ф. Р-8300. Оп. 1. Д. 473. Л. 57-61.
5. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 53. Л. 2.
6. ГАРФ. Ф. Р-9415. Секретная часть. Оп. 3. Д. 219. Л. 270, 292; Д. 814.
7. Кондурушкин И.С. Частный капитал перед советским судом. Пути и методы накопления по судебным и ревизионным делам 1918–1926 гг. – М. ; Л., 1927.
8. Москва послевоенная 1945–1947 гг. – М., 2000. – С. 472.
9. Об усилении борьбы с растратами и хищениями в государственной и кооперативной торговле : постановление СНК РСФСР от 31 декабря 1940 г. № 899 (не было опубликовано).
10. Отдел специальных фондов Информационного центра Главного управления внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области (ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО). Ф. 28. Д. 15. Л. 28.
11. ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО. Ф. 28. Д. 16. Л. 19.
12. ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО. Ф. 28. Д. 30. Л. 13, 16.
13. ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО. Ф. 28. Д. 31. Л. 14.
14. ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО. Ф. 28. Д. 44. Л. 21.
15. Репецкая А.Л. Организованная преступность в сфере экономики: характеристика, причины, предупреждение. – Иркутск, 2009. – С. 18-20.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 131. Д. 27. Л. 9.

17. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4433. Оп. 1. Д. 71. Л. 161.
18. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 92. Д. 173. Л. 26-27, 67.
19. РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 4746. Л. 47.
20. РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 4746. Л. 48.
21. РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 5. Д. 60. Л. 20б
22. РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 5. Д. 60. Л. 3.
23. РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 5. Д. 60. Л. 187
24. РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 246. Л. 176, 171-173.
25. РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 295. Л. 106-101.
26. РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 247. Л. 14.
27. Сигов В.И., Смирнов А.А. Теневая экономика: генезис, современные тенденции, стратегия и тактика вытеснения из национального хозяйства России. — СПб., 1999. — С. 39.
28. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2501. Л. 63об.
29. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7384. Д. 214. Л. 103.
30. ЦГА СПб. Ф. 7384. Д. 423. Л.1.
31. ЦГА СПб. Ф. 7384. Д. 947. Л.118.
32. ЦГА СПб. Ф. 9260. Оп. 1. Д. 63. Л. 5-6.

REFERENCES

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. R-5446. Op. 15a. D. 1071. L. 5-6.
2. *GARF* [State Archive of the Russian Federation]. F. R-5446. Op. 16a. D. 402. L. 3-16.
3. *GARF* [State Archive of the Russian Federation]. R-8131. Op. 15. D. 83a. L. 96.
4. *GARF* [State Archive of the Russian Federation]. R-8300. Op. 1. D. 473. L. 57-61.
5. *GARF* [State Archive of the Russian Federation]. R-9492. Op. 1. D. 53. L. 2.
6. *GARF. Sekretnaya chast'* [State Archive of the Russian Federation (GARF). Secret Part]. P-9415. Op. 3. D. 219. L. 270, 292; D. 814.
7. Kondurushkin I.S. *Chastnyy kapital pered sovetskim sudom. Puti i metody nakopleniya po sudebnym i revizionnym delam 1918-1926 gg.* [Private Capital Facing the Soviet Court. Ways and Methods of Accumulation in Court and Audit Cases, 1918-1926]. Moscow ; Leningrad, 1927.
8. *Moskva poslevoennaya 1945-1947 gg.* [After-the-War Moscow in 1945-1947]. Moscow, 2000, pp. 472.
9. *Ob usilenii bor'by s rastratami i khishshenyami v gosudarstvennoy i kooperativnoy trgovle : postanovlenie SNK RSFSR ot 31 dekabrya 1940 g. № 899 (ne bylo opublikovano)* [On Intensifying the Fight against Embezzlement and Theft in State and Cooperative Trade: Decree of the Council of People's Commissioners of the Russian Soviet Federative Republic, Dec. 31, 1940, № 899 (not published)].
10. *Otdel spetsial'nykh fondov Informatsionnogo tsentra Glavnogo upravleniya vnutrennikh del Sankt-Peterburga i Leningradskoy oblasti (OSF ITs GUVd SPb i LO)* [Sector of Special Funds, Information Center, Chief Department of the Interior for Saint Petersburg and Leningrad Region (OSF ITs GUVd SPb i LO)]. F. 28. D. 15. L. 28.
11. *OSF ITs GUVd SPb i LO* [Sector of Special Funds, Information Center, Chief Department of the Interior for Saint Petersburg and Leningrad Region]. F. 28. D. 16. L. 19.
12. *OSF ITs GUVd SPb i LO* [Sector of Special Funds, Information Center, Chief Department of the Interior for Saint Petersburg and Leningrad Region]. F. 28. D. 30. L. 13, 16.
13. *OSF ITs GUVd SPb i LO* [Sector of Special Funds, Information Center, Chief Department of the Interior for Saint Petersburg and Leningrad Region]. F. 28. D. 31. L. 14.
14. *OSF ITs GUVd SPb i LO* [Sector of Special Funds, Information Center, Chief Department of the Interior for Saint Petersburg and Leningrad Region]. F. 28. D. 44. L.21.
15. Repetskaya A.L. *Organizovannaya prestupnost' v sfere ekonomiki: kharakteristika, prichiny, preduprezhdenie* [Organized Crime in the Sphere of Economy: Characteristics, Origins, Prevention]. Irkutsk, 2009, pp. 18-20.
16. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)]. F. 17. Op. 131. D. 27. L. 9.
17. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE)* [Russian State Archive of Economy (RGAE)]. F. 4433. Op. 1. D. 71. L. 161.

18. *RGAE* [Russian State Archive of Economy]. F. 4372. Op. 92. D. 173. L. 26-27, 67.
19. *RGAE* [Russian State Archive of Economy]. F. 7971. Op. 1. D. 4746. L. 47.
20. *RGAE* [Russian State Archive of Economy]. F. 7971. Op. 1. D. 4746. L. 48.
21. *RGAE* [Russian State Archive of Economy]. F. 7971. Op. 5. D. 60. L. 2ob
22. *RGAE* [Russian State Archive of Economy]. F. 7971. Op. 5. D. 60. L. 3.
23. *RGAE* [Russian State Archive of Economy]. F. 7971. Op. 5. D. 60. L. 187
24. *RGAE* [Russian State Archive of Economy]. F. 7971. Op. 16. D. 246. L. 176, 171-173.
25. *RGAE* [Russian State Archive of Economy]. F. 7971. Op. 16. D. 295. L. 106-101.
26. *RGAE* [Russian State Archive of Economy]. F. 7971. Op. 16. D. 247. L. 14.
27. Sigov V.I., Smirnov A.A. *Tenevaya ekonomika: genezis, sovremennye tendentsii, strategiya i taktika vytesneniya iz natsional'nogo khozyaystva Rossii* [Shadow Economy: Genesis, Modern Tendencies, Strategy and Tactics of Exclusion from the Russian Economy]. Saint Petersburg, 1999, pp. 39.
28. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (TsGA IPD SPb)* [Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg (TsGA IPD SPb)]. F. 24. Op. 2v. D. 2501. L. 63ob.
29. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb)* [Central State Archive of Saint Petersburg (TsGA SPb)]. F. 7384. D. 214. L. 103.
30. *TsGA SPb*. [Central State Archive of Saint Petersburg]. F. 7384. D. 423. L. 1.
31. *TsGA SPb*. [Central State Archive of Saint Petersburg]. F. 7384. D. 947. L. 118.
32. *TsGA SPb*. [Central State Archive of Saint Petersburg]. F. 9260. Op. 1. D. 63. L. 5-6.

Информация об авторах

Богданов Сергей Викторович (Губкин, Белгородская область) – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии. Губкинский институт (филиал) Московского государственного открытого университета (309510, Белгородская область, г. Губкин, ул. Комсомольская, 16, e-mail: sv-bogdanov@mail.ru)

Репецкая Анна Леонидовна (Иркутск) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии. ФГБОУ ВПО «Байкальский государственный университет экономики и права» (664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, тел. (3952) 21-18-16, e-mail: irkcenter@isea.ru)

Information about the authors

Bogdanov, Sergey Viktorovich (Gubkin, Belgorod region) – Ph.D. in History, Ass. Professor, Chair of History. Gubkin Institute (Affiliate) of Moscow State Open University (16, Komsomolskaya str., Gubkin, Belgorod region, 309510, e-mail: sv-bogdanov@mail.ru)

Repetskaya, Anna Leonidovna (Irkutsk) – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head, Chair of Criminal Law and Criminology, Baikal National University of Economics and Law (11, Lenin str., Irkutsk, 664003, phone: (3952) 21-18-16, e-mail: irkcenter@isea.ru)